

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 11

**Санкт-Петербург
2012**

И.Л. Тихонов

Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий

Гангольф Егорович (так его звали на русский манер, а настоящее имя было Рейнгольд Густав Гангольф) Кизерицкий происходил из рода остзейских немцев, известного с XVII в. Он родился 18 сентября 1847 г. в небольшом городке Феллин Лифляндской губернии. Его отец Егор Густавович был судьей, служил в местной управе. Вместе с сыновьями он был внесен в третью часть дворянской родословной определением Правительствующего Сената от 17 ноября 1864 г. Герб Кизерицких представлял собой белую голову быка на синем щите, который был увенчан шлемом и короной с тремя страусовыми перьями.

Образование юный Гангольф получил сначала в частном пансионе Шмидта, а затем на историко-филологическом факультете Дерптского университета, который окончил со степенью кандидата классической филологии в 1873 г. Е.М. Придик приводил сведения, что в юности будущий археолог страстно мечтал быть медиком, но из-за недостатка семейных средств вынужден был пойти по гуманитарной линии¹. В годы учебы он проявил себя как способный студент и начинающий исследователь древнего искусства. Его студенческое сочинение «Об отношении императора Адриана к греческому искусству» было удостоено золотой медали, а в 1876 г. он защитил магистерскую диссертацию, посвященную изображениям богини победы Нике на античных вазах. В конце этого же года министерство народного просвещения отправило молодого магистра за границу для приготовления к профессорскому званию по кафедре классической филологии. Но в его планы также входила основательная подготовка по классической археологии, поэтому Г.Е. Кизерицкий совершает путешествие по Италии и Греции, где знакомится со многими известными археологами – антиковедами. Больше всего занимается в Мюнхенском университете у его ректора, профессора Генриха Бруна, который возглавлял специальную кафедру античной археологии. Г. Брун отстаивал самостоя-

---

¹ Придик Е.М. Памяти Г.Е.Кизерицкого// Записки Классического отделения РАО. 1907. Т.4. С. 265

тельность классической археологии от филологии, как особой науки о вещественных древностях, но, в отличие от своего ученика и преемника на кафедре А. Фуртвенглера, проводившего раскопки и изучавшего керамику, сводил классическую археологию к изучению произведений античного искусства². Именно эти взгляды усвоил и молодой ученый из Российской Прибалтики Гангольф Кизерицкий, всегда считавший Бруна своим главным учителем в научном отношении.

Еще до поездки за границу Кизирицкий познакомился в Петербурге с директором Императорского Эрмитажа А.А. Васильчиковым и хранителем Отделения древностей музея академиком Л.Э. Стефани, которым понравился начинающий, но уже успевший зарекомендовать себя, специалист по древнему искусству. Поэтому когда неожиданно в октябре 1879 г. умер помощник Стефани – И.Д. Дель, у них не возникло сомнений в выборе кандидата на освободившуюся вакансию. 1 ноября 1879 г. А.А. Васильчиков обратился к министру народного просвещения Д.А. Толстому с просьбой отпустить магистра Дерптского университета Г.Е. Кизерицкого, числившегося по этому министерству, в Эрмитаж: «Я знаю, до какой степени вашему сиятельству дорого все это, что в отечестве нашем служит к распространению и процветанию науки. Редчайшие собрания Императорского Эрмитажа представляют, несомненно, богатый материал для изучения истории и археологии. Пополнение, приведение в систему и обобщение собраний этих тесно связано с развитием науки и прямо способствует к распространению и успеху дела народного просвещения. Основываясь на это несомненном, как мне кажется, положении, беру смелость просить ваше сиятельство, явить помощь археологическим собраниям Эрмитажа, которые теперь более чем когда-либо нуждаются в труженнике, научно подготовленном. Я прошу ваше сиятельство о полной уступке Эрмитажу магистра филологии Дерптского Университета г. Кизерицкого, отправленного Министерством Народного просвещения за границу с научной целью. Я имел счастье лично объяснить с вашим сиятельством прошлую весной о Кизерицком. Тогда я думал поручить ему приведение в порядок и составление каталога собранию Эрмитажных камней. С тем пор обстоятельства изменились. Помощник академика тайного советника Стефани, младший член археологической комиссии Дель, скоропостижно умер. Все тяжелое бремя археологических богатств наших лежит на руках ученого, но престарелого хранителя греческих и римских древностей Стефани. Помощник ему необходим как для блага нашего музея, так и для преуспевания нау-

---

² Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 287-297.

ки. Помощник этот должен быть, с одной стороны, научно подготовлен, а с другой – должен всецело себя посвятить как Эрмитажу, так и Археологической комиссии, непрестанно пополняющей коллекции наши.

После долгих совещаний, мы с г. Стефани решили, что один г. Кизерицкий способен занять место покойного Деля. Жалование будет он получать совершенно достаточное и к тому же г. Стефани берется доставить ему место хранителя музея при Академии Наук, так что Кизерицкий будет состоять в ведомстве Министерства Народного Просвещения под главным начальством вашего сиятельства. Смею надеяться, что ваше сиятельство согласится уступить нам г. Кизерицкого и покорно прошу не отказать мне в ответе, дабы г. Стефани мог своевременно с ним списаться и к 1 апреля, то есть по истечении последнего срока его командировки, г. Кизерицкий мог бы прямо поступить в Эрмитаж помощником хранителя древностей»³.

Таким образом ясно, что изначально предполагалось, что со временем Кизерицкий станет заменой Стефани и в Эрмитаже и в Археологической комиссии. В музее так оно и произошло, поскольку в 1886 г. после отставки и скорой смерти академика, он занял его должность, а вот в Археологической комиссии этого не случилось. В Императорской Археологической комиссии Л.Э. Стефани, являясь ее единственным сверхштатным сотрудником, играл очень важную роль, поскольку занимался научной обработкой и описанием древностей, найденных на юге России. До 1882 г. когда графа С.Г. Строганова сменил на посту председателя комиссии А.А. Васильчиков, оставаясь при этом директором Эрмитажа, значительная часть публикуемого ежегодно «Отчета Императорской Археологической комиссии» состояла из этих описаний⁴. Но затем издание отчетов прервалось, и сводный отчет за 1882-1888 гг. был издан только в 1891 г. уже при новом председателе Археологической комиссии графе А.А. Бобринском. Возможно, что какая-то часть вины за перерыв в этом регулярном издании лежала и на Г.Е. Кизерицком, который не сумел в полной мере заменить Л.Э. Стефани. Во всяком случае, в 1889 г. между ним и Археологической комиссией разгорелся прямой конфликт. Кизерицкий в сентябре 1889 г. обратился с гневным письмом, написанным по-немецки, к А.А. Бобринскому, в котором высказывал свое возму-

---

³ *Половцов А.В.* Крупная утрата. Гангольф Егорович Кизерицкий 1847-1903. М., 1904. С. 10-12.

⁴ *Тихонов И.Л.* Императорская Археологическая комиссия (1859-1918 гг.) К 150-летию создания // Из истории отечественной археологии: сборник научных трудов. Вып. 1. Отв. ред. А.Д.Пряхин. Воронеж, 2008. С. 31.

шение по поводу, что в готовящемся к печати сводном отчете комиссии за 1882-1888 гг. будет помещена статья В.В. Латышева об эпиграфических памятниках, найденных на Юге России, поскольку полагал это своей прерогативой, как бы перешедшей к нему «по наследству» от покойного Л. Стефани. В ответ Бобринской разъяснял (по-русски): «Получив Ваше письмо от 25-го октября с.г., считаю нужным ответить на него подробно. Когда я был назначен председателем Имп. Арх. Комиссии, то, по совещании с членами этого учреждения, я предложил Вам как преемнику акад. Стефани по заведованию классическим отделом Имп. Эрмитажа и как лицу, рекомендованному Вашим предшественником, взять на себя труд по составлению ученых приложений к Отчетам Комиссии по исследованию классических древностей Южной России.

Согласившись на мое предложение, Вы в течение нескольких лет работали над Вашими разысканиями, причем Вам была предоставлена полная свобода по изготовлению нужных Вам рисунков и таблиц по Вашему усмотрению, на что израсходовано комиссией до 4500 рублей.

Нынче Вы пишете мне, что узнали в Типографии, что первое по порядку напечатания место из приложений к отчетам за 1882-85 года занимает, по распоряжению Комиссии, исследование В.В. Латышева о некоторых древних надписях. При этом Вы указываете на то, что исследование надписей входило в область трудов, порученных акад. Стефани, почему и усматриваете в изложенном факте недоверие к Вашим научным силам, как с моей лично стороны, так и со стороны Комиссии, и заявляете, что взяли обратно свою рукопись из типографии, отказываясь от сотрудничества в изданиях Комиссии.

На это считаю долгом заметить следующее. Обращаясь к вам с предложением принять труд составления приложений к отчетам за 1882-85, я никоим образом не имел в виду давать Вам исключительного права составления таких приложений. Напротив того, целью моею всегда было привлечь к трудам Комиссии по возможности большее количество ученых сил, причем обилие научного материала вполне ручалось за то, что такая совместная деятельность ни для кого стеснительна быть не могла. Поручая В.В. Латышеву составить обзор вновь найденных надписей, никто не имел в виду выказывать этим недоверие к Вашим способностям, как ученого, тем более, что было неизвестно когда Вам удастся завершить Ваш труд, достоинства которого нисколько не могла умалить статья эпиграфического содержания. Если бы Вы сообразовали уведомить меня об окончании Вашего труда и доставить своевременно рукопись Вашу в Комиссию, то при наших личных переговорах выяснилось бы, в каком поряд-

ке удобнее разместить оба приложения. Между тем Ваша рукопись сдана Вами прямо в типографию, когда рукопись проф. Латышева была уже в наборе. В Комиссии было уже решено, в случае непредставления Вами труда напечатать последнюю одну в качестве приложения к отчетам оговоривши, что Ваше исследование появится впоследствии в виде особого приложения к ним.

Поэтому не могу признать за Вами права на взятие Вами рукописи Вашей обратно, так как почитаю это дело давно поконченным, причем Комиссия вошла в значительные расходы по изданию Вашего труда, именно по изготовлению таблиц и рисунков по Вашему распоряжению. Посему имею честь покорнейше просить Вас доставить рукопись Вашу в Арх. Комиссию или в Типографию Академии Наук для напечатания»⁵. В ответ на это, в общем-то, очень взвешенное и разумное предложение, Г.Е. Кизерицкий нервно и импульсивно написал, что «если Ваше Сиятельство не соблаговолит восстановить те условия, на которые Вы сами согласились при поручении мне составления отчета, то я, вследствие нарушения этих условий со стороны Императорской Археологической Комиссии и вследствие нанесенного мне оскорбления, принужден как честный человек отказать от составления отчета»⁶.

После этой истории отношения Г.Е. Кизерицкого с Археологической комиссией совсем охладели. Во всяком случае, в конце декабря 1889 г. А.А. Бобринской был вынужден обращаться к новому директору Эрмитажа С.Н. Трубецкому с просьбой обеспечить доступ профессора Киевского университета Ю.А. Кулаковского, которому было поручено описание древностей, найденных в 1882-1887 гг. в Керчи и на Тамани, к этим материалам, сданным на хранение в отделение древностей Г.Е. Кизерицкому⁷.

Составители биографической справки о Г.Е. Кизерицком явно преувеличили степень его сотрудничества с Археологической комиссией, когда утверждали, что он неоднократно командировался на Кавказ и в Крым для проведения археологических раскопок, а «как член Императорской Археологической комиссии имел разрешение проводить раскопки на Юге России», где «исследовал местонахождение древних греческих колоний на восточном берегу Черного моря»⁸. В действительности же, Кизерицкий никогда не был членом комиссии, а в ее делах сохранилось только одно обращение за разрешением на раскопки (открытым листом) летом 1889 г.

---

⁵ НА РО ИИМК Ф.1. 1883 г. Д. 24. Л. 74-75.

⁶ Там же. Л. 77.

⁷ Там же. Л. 79-81.

⁸ Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852-1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2004. С. 78-79.

(т.е. еще до начала конфликта), которым Кизерицкий не воспользовался, как он сам указал «по причине отсутствия денежных средств для производства раскопок». Причем, в этих строках явно таилась скрытая обида на то, что комиссия ограничилась, только открытым листом, не выделив ему финансовые средства на ведение раскопок.⁹ Впрочем, полевым исследователем Г.Е. Кизерицкий никогда не был, являясь в большей степени искусствоведом и преимущественно кабинетным, музейным работником. Все его командировки в основном сводились к изучению музейных собраний, так весной 1882 г. он был командирован в Афины для изучения вопроса о происхождении керченских вещей. Во время этой поездки он женился на дочери директора афинского ботанического сада, с которой познакомился несколькими годами ранее. Е.Ф. Кизерицкая (урожденная фон Гельдрейх) было по отцу немкой, а по матери гречанкой. Впоследствии у них родились две дочери и два сына.

Летом 1889 г. Г.Е. Кизерицкий совершил большое путешествие по Крыму и черноморскому побережью Кавказа, изучая коллекции местных музеев и осматривая археологические памятники. В 1891 г. опять посетил Грецию, познакомившись с раскопками Микен, а в 1896 г. совершил большое турне по Европе для изучения археологических собраний крупнейших музеев.

Но главным делом его жизни оставалась работа с коллекциями Эрмитажа. Под руководством Кизерицкого в 1883 г. в музее был создан «Зал Никопольской вазы», представлявший найденные в России памятники скифского искусства. В путеводителе по России и Санкт-Петербургу, изданном в 1886 г. под редакцией Р.С. Попова этот зал кратко описан под номером IX и названием «Скифские и сибирские древности». В центре зала стояла серебряная амфора из кургана Чертомлык, который находился недалеко от г. Никополя, отсюда и произошло название зала. Здесь же были экспонированы находки из «Новочеркасского клада» – сарматского кургана Хохлач, открытого в 1864 г., вещи из сибирской коллекции Петра I и многочисленные золотые украшения из других скифских курганов. Экспозиция была довольно эклектична, поскольку в этом же зале были представлены сасанидские серебряные блюда, римские чаши, ассирийские ножны и находки из раскопок столицы золотой орды – Сарая. Заканчивалось это описание зала утверждением, что в него поступят античные вещи, найденные в последнее время¹⁰. Более подробное описание этого зала содержалось в путеводителе по художественным музеям Санкт-Петербурга, выпущенном в 1904 г.

⁹ НА РО ИИМК Ф. 1. 1889 г. Д. 77. Л. 1-5.

¹⁰ Путеводитель по России. Север / под ред. Р.С.Попова. СПб., 1886. С. 117-118.

Д.Д. Ивановым. Там также упоминались находки из Александропольского кургана, серебряное блюдо и золотая маска из Керчи, бронзовые котлы, большое собрание античных стеклянных сосудов, выставленное в нескольких шкафах¹¹. Некоторые из этих вещей, например, золотая маска, ранее были выставлены в «Керченской зале» в витрине № 37¹². Еще более детальное описание этого зала с указанием номеров шкафов и витрин было приведено в путеводителе, опубликованном Н.Е. Макаренко в 1916 г.¹³ Но там, среди прочих, могли уже упоминаться находки, поступившие в музей после смерти Г.Е. Кизерицкого.

Еще в начале 1890-х гг. Кизерицкий сообщал в своих рапортах директору музея, что им подготовлен каталог экспозиции данного зала. Однако, постоянно разменивающий свое внимание и время на текущие мелочи, руководитель Отделения древностей никак не мог завершить эту работу. Во всяком случае, в отчете музея за 1898 г. опять звучало, что «сверх текущих работ по отделению ст. хранитель Кизерицкий продолжал редактировать научный каталог Никопольского зала Императорского Эрмитажа, включая в этот каталог результаты богатых раскопок последних лет»¹⁴. Первый биограф Кизерицкого отмечал, что он работал и над общим каталогом древностей Южной России, «т.е. тех сокровищ, которые составляют особую гордость Эрмитажа и не встречаются ни в одном из знаменитых музеев»¹⁵.

Рукописный каталог Г.Е. Кизерицкого представляет из себя папки с прошитыми листами, исписанными мелким убористым почерком, на полях были помещены наклейки с изображениями вещей, выполненные типографским способом. Первая папка содержала описание находок Чертомлыцкого, Геремесова, Краснокутского курганов, кургана у с. Беленькое и Острой Томаковской могилы, состоящее из 488 номеров. Второй том был посвящен материалам Александропольского кургана и продолжал сплошную нумерацию до 889. Третий том давал описание находок из памятников разных эпох. Там были представлены скифо-сарматские курганы Золотой, Хохлач, Каменная могила, Цимбалка, а также сасанидские, готские, «пермские» древности. Четвертый том описывал сибирские древности.

---

¹¹ *Иванов Д.Д.* Объяснительный путеводитель по художественным собраниям Петербурга. (Эрмитаж, Академия Художеств, Музей Императора Александра III и другие художественные музеи). СПб., 1904. С. 68-71.

¹² Путеводитель по России. С. 112.

¹³ *Макаренко Н.Е.* Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель. Пг., 1916. С. 51-67.

¹⁴ Архив ГЭ Ф.1. Оп. 5. Д. 42 1890 г. Л.11; Д. 27. 1898 г. Л. 4об.

¹⁵ *Половцов А.В.* Крупная утрата... С. 30.

Довести этот труд до публикации Кизерицкий не сумел. Возможно, одной из причин того, что составленные Кизерицким каталоги древностей, остались не опубликованными, было и то, немало важное обстоятельство, что они были написаны на немецком языке. В это время, т.е. в эпоху всеяческой «русификации», насаждаемой Александром III, «Императорский музей» еще мог позволить себе издать на французском каталог коллекции египетских древностей, составленный В.С. Голенищевым, но публиковать на иностранном языке находки из России, было бы уже слишком. Тем не менее, эти рукописные каталоги сохраняются в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа до сих пор, и ими пользовались Г.И. Боровка, М.П. Завитухина и другие исследователи¹⁶.

В 1896 г. Г.Е. Кизерицкий выпустил описание эрмитажного собрания античной скульптуры, созданное на основе двух предшествующих каталогов С.А. Гедеонова 1860-х гг. Необходимость нового издания диктовалась, во-первых, значительным увеличением собрания и изменившимися представлениями о периодизации античного искусства за истекшие тридцать лет, а во-вторых, тем полукурьезным обстоятельством, что после тщательной чистки и мойки предметов древнего пластического искусства, проведенной только в начале 1890-х гг., выявилось значительное число поздних реставраций деталей статуй, копий и подделок. Кроме того, Гедеонову при создании своих путеводителей еще не были известны, обнаруженные им же только в 1867 г. в библиотеке Британского музея каталоги коллекции Ллойд-Брауна, позволившие правильно атрибутировать многие предметы эрмитажного собрания¹⁷. Всего Кизерицким было описано 416 произведений античного искусства. В 1901 г. было издано дополненное и исправленное четвертое издание, содержащее не только описания 432 предметов по залам, но и 436 фотографий и рисунков с их изображениями. В каталог были включены только древнегреческие и римские вещи, поскольку собрание египетских и ассирийских древностей было ранее описано В.С. Голенищевым, а про зал древностей Босфора Киммерийского

¹⁶ *Боровка Г.И.* Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // ИРАИМК. 1921 Т 1. С 169-192; *Завитухина М.П.* 1) Золотая статуэтка из Сибирской коллекции Петра I и некоторые вопросы истории коллекции // СГЭ. Вып. XXXVIII. Л., 1974. С. 42; 2) Золотая пластина из Забайкалья в Сибирской коллекции Петра I // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб., 1998. С. 143.

¹⁷ Музей древней скульптуры. [Кат.] / Сост. Г.Е.Кизерицкий. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1901. С. VII-VIII.

было указано, что «новый указатель к этой зале готовится»¹⁸. Но как мы уже знаем, завершить эту работу Кизерицкий не сумел. Еще один значительный его научный труд, основанный частично на изучение материалов Эрмитажа и посвященный надгробиям античного времени в Северном Причерноморье, вышел в Берлине на немецком языке уже посмертно в 1909 г.¹⁹

Очень много Г.Е. Кизерицкий потрудился для пополнения Отделения древностей новыми археологическими находками и частными коллекциями. Именно ему пришлось принимать и размещать в музее коллекцию бронзы и терракот, купленную у дипломата П.А. Сабурова, коллекции оружия и декоративно-прикладного искусства А.Б. Базилевского. После покупки коллекции маркиза Кампана это были самые крупные приобретения Эрмитажа по части древностей. В 1884 г. 233 терракотовые статуэтки были приобретены за 100 тысяч рублей, а на следующий год было куплено собрание А.П. Базилевского за семь миллионов франков. Дважды в течении 1884 г. Кизерицкий ездил в Берлин и Париж для приема этих сокровищ. В мае 1886 г. «танаянские» уже были выставлены в экспозиции музея, а вторая коллекция появилась начало новому отделению Эрмитажа – прикладного искусства Средневековья и эпохи Возрождения, первым руководителем которого был назначен Г.Е. Кизерицкий²⁰. За все эти труды он был награжден вне очереди орденом св. Владимира 4-й степени.

Министерством двора для Эрмитажа в 1886 г. за 800 тысяч рублей был приобретен «Голицынский музей», включающий в себя помимо художественных собраний также и древности. А через два года была куплена коллекция графа А.Д. Блудова, состоящая из 110 различных памятников греческого искусства, среди которых были мраморную скульптура, мелкую пластика из бронзы, серебра, слоновой кости, 43 терракоты, сосуды из стекла и алебаstra, предметы быта, в частности глиняные и бронзовые светильники, более 30 краснофигурных и чернофигурных ваз²¹.

В 1890 г. старший хранитель отделения древностей (он занял эту должность с февраля 1886 г.) Г.Е. Кизерицкий обращался к директору музея

---

¹⁸ Музей древней скульптуры. С. 142.

¹⁹ *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909

²⁰ Архив ГЭ Ф.1. Оп. 5. Д. 13. 1884 г. Л. 83; Д. 32. 1892 г. Л.10-11; *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 54.

²¹ Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время царствования в Бозе почившего Государя императора Александра III. 1881-1894. Ч.1. Кн.2. СПб., 1901. С. 15; *Бильвина О.Л.* Частное коллекционирование произведений античного искусства в России (вторая половина XIX – первые два десятилетия XX в.). Дисс.... канд. искусствоведения. СПб., 2007. С. 114-115, 251-255.

С.Н. Трубецкому с предложением о покупке части коллекции керченского мещанина Е.Р. Запорожского, собранной на Керченском и Таманском полуострове: «по выбору, сделанному мною, этих древностей, оказалось 68 предметов, которые не только сами по себе заслуживают внимание с точки зрения науки, но и типы которых доныне еще не существовали в коллекции керченских древностей Императорского Эрмитажа. Требуемая цена 1000 руб. не высокая в сравнении с важностью вещей и вследствие того смею всепокорнейшее просить Ваше Сиятельство исходатайствовать у Его Сиятельства господина министра разрешение на покупку этих вещей»²². В 1893 г. Кизерицкий ходатайствовал о покупке коллекции Ю.Х. Лемме в Одессе, имеющей в своем составе 200 ювелирных украшений, 12 бронзовых статуэток, 180 стеклянных предметов, 32 камеи и 220 резаных камней, 200 расписных ваз найденных в Южной России²³. В 1897 г. он ходатайствовал о приобретении у М. Сиваджана в Париже коллекции вавилонских и афинских древностей, поскольку «древности из Вавилонии и Сидана отсутствуют пока совсем в Императорском Эрмитаже и в виду редкости, изящности и научного значения предлагаемых предметов, в виду очень умеренной цены в 6 тыс. 500 р. [...] осмеливаюсь [...] просить [...] разрешения на покупку за 6500 руб.». В этом же году Кизерицкий предлагал приобрести за 4000 руб. коллекцию резных камней и предметов из бронзы, терракоты, камня, собранную Н.П. Петровским – российским консулом в Кашгаре. В 1900 г. за 15000 руб. была приобретена коллекция керченских древностей дворянина А. Новикова и за 3371 руб. 70 к. древние вещи из Ольвии у одесского купца Г. Калло. В 1901 г. в следствии ходатайства Г.Е. Кизерицкого были куплены 24 вещи из коллекции Ильи Геладакиса, найденные в его имении в Афинах и в Эретрии. Из крупных покупок этого времени надо также отметить приобретение 24 этрусских ваз из коллекции бывшего министра финансов А.А. Абаза за 8000 руб.²⁴

Нередко Г.Е. Кизерицкий, также как и другие хранители музея, пытался, и не безуспешно, снизить цену предлагаемых к покупке вещей. Так, например крестьянину Деревянкину, нашедшему терракотовую статуэтку в Парутино и готового уступить ее за 500 руб., Кизерицкий предлагал дать не более 45 руб.²⁵ Высказывая свое мнение о нецелесообразности приобретения эклектичной коллекции киевского собирателя В.Т. Кибальничча, Кизерицкий

²² Архив ГЭФ. 1. Оп. 5. Д. 31. 1890 г. Л. 1.

²³ Там же. Д. 42. 1890 г. Л.29.

²⁴ Там же. Д. 8. 1897 г. Л. 159-163; 170; Д.15. 1900 г. Л. 69, 148; Д. 34. 1901 г. Л. 22; Д.15. 1901 г. Л. 2, 4 - 6.

²⁵ Там же. Д.15. 1900 г. Л. 46.

писал: «г-н Кибальчич ценит свою коллекцию на 150000 руб., не знаю, найдется ли покупатель, кто дал бы 2000 руб.»²⁶ В 1893 г. при покупке коллекции керченских древностей купца Ю.Х. Лемме Г.Е. Кизерицкий сумел снизить ее стоимость с 60000 руб. до 35000 рублей, в другом случае по поводу покупки коллекции афинских древностей Г.Е. Кизерицкий прямо писал: «требуемую владельцем цену в 7000 рублей мне удалось понизить до 3000 руб.»²⁷ Не гнушалось Отделение древностей и небольшими приобретениями, как-то, стеклянный сосуд с рельефом за 100 руб. и бронзовый топор за 20 руб. или две бронзовые ручки и флакон из разноцветного стекла за 12 руб.²⁸

Случались и неприятные истории для щепетильного и деликатного Г.Е. Кизерицкого, когда его предложения о приобретении древностей отклонялись. Так, например, в декабре 1901 г. он сообщал, что осмотрел в Одессе коллекцию капитана Е.А. Шуманского и убедительно просит приобрести ее. Однако, в апреле 1902 г. состоялось заседание специально созданной по распоряжению министра императорского двора комиссии, члены которой не пришли к единому мнению, поскольку большинство в лице И.А. Всеволожского, Г.Е. Кизерицкого и А.А. Бобринского высказались за приобретение коллекции. Против выступили только вице-президент Академии художеств И.И. Толстой и академик живописи, член Археологической комиссии М.П. Боткин. В итоге последовал отказ из министерства императорского двора, а музей в своем бюджете имел всего 5000 рублей в год на пополнение всех своих собраний и сам не мог приобрести эту коллекцию. Возмущенный тем, что ему за свой счет пришлось отправить вещи в Петербург на экспертизу, которая затянулась более чем на год, коллекционер писал гневные письма и в дирекцию Императорского Эрмитажа, и в министерство императорского двора, обвиняя в срыве покупке Г.Е. Кизерицкого. Он явно не знал, что Кизерицкий продолжал писать рапорты и отстаивать целесообразность приобретения коллекции даже после отказа из министерства²⁹.

В 1894 г. в Эрмитаж из Академии наук был передан так называемый Музей классической археологии. Он возник в 1874 г. на основе нумизматического кабинета и имел к концу XIX в. своем составе более 20 тысяч монет и медалей, 50 расписных ваз, собрание мраморных, бронзовых и стеклянных изделий, фотографии античных построек и скульптур. Хранителем этого му-

---

²⁶ Там же. Д. 16. 1899 г. Л. 77.

²⁷ Там же Д. 11. 1893 г. Л.8; Д.34. 1901 г. Л. 10б.

²⁸ Там же. Д. 8. 1903 г. Л. 18, 79; Ф. Д. 49. 1901 г. С.17об.

²⁹ Там же. Д. 42. 1890 г. Л.17-23

зая также являлся Г.Е. Кизерицкий, получавший за это от Академии 750 руб. в год. Интересно заметить, что на пополнение академического музея ежегодно выделялась меньшая сумма, всего 500 руб.³⁰

К 1895 г. общее число предметов, хранящихся в Отделении древностей достигло 63 093 единиц, из них найденных в Северном Причерноморье – 28 268 (в т.ч. 1 613 золотых вещей). Собрание древней скульптуры насчитывало 431 произведение, собрание резных камней – 16 297, коллекция античной расписной керамики – 2038, терракот 1028, металлических и бронзовых греческих, этрусских, римских предметов – 1072, скифских и других древностей, найденных в пределах Российской империи – 11 445 (в т.ч. 6292 золотых вещей), египетские и ассирийские древности – 2520. К концу 1897 г. количество предметов отделения древностей уже превышало 64 000 единиц. Главным источником пополнения собрания были поступления из Археологической комиссии. Так например, только в течении 1895 г. оттуда поступило 230 предметов, а покупкою было приобретено всего лишь 17. В 1892 г. Г.Е. Кизерицкий отобрал для отделения 80 предметов из раскопок Археологической комиссии в Херсонесе. Некоторые вещи из этих же раскопок были отобраны Н.П. Кондаковым для средневекового отделения музея³¹.

Стала обозначаться и некая конкуренция между различными отделениями музея за право обладания теми или иными археологическими коллекциями. В марте 1892 г. Г.Е. Кизерицкий подал директору музея С.Н. Трубецкому специальную записку «о распределении материала, найденного в раскопках между античным и русским отделениями», где указывал, что в начале 1880-х гг. А.А. Васильчиковым и А.А. Куником на втором этаже Нового Эрмитажа в Рафаэлевской галерее была устроена выставка русских древностей, которую незадолго до свой гибели осмотрел Александр II. В это же время скифские и другие древности, находящиеся в третьем отделении (скифских и русских древностей) были соединены с керченскими древностями, чтобы «сосредоточить в первом (античном) отделении все предметы древних веков». Тогда же по предложению А.А. Васильчикова было установлено, что все материалы археологических раскопок по V в. н.э. включительно будут поступать в отделение классических древностей, а более поздние в третье (русское отделение). Как считал Г.Е. Кизерицкий, «таким образом было достигнуто ясное деление согласующееся и с учебною и с учебною целями музея, и кроме того отнимающее всякий повод к столкновениям». Исходя из этого положения, в экспозицию Керченского

³⁰ Там же. Д. 19. 1894 г. Л.3-6.

³¹ Там же. Д.27. 1896 г. Л. 20-21; Д. 27. Л. 4; Д. 18. ч. II. 1892 г. Л.101.

зала включались все находки из греческих колоний Северного Причерноморья, а в Никопольском зале выставлялись предметы «которые относятся или до Скифии или до народов, проходивших по югу России и Сибири в эпоху великого переселения»³². Такое положение дел сохранялось до середины 1880-х гг., пока не было создано Отделение Средних веков и эпохи Возрождения, которое также стало претендовать на археологические материалы первых веков новой эры. В дальнейшем Археологическая комиссия передавала материалы уже в два отделения Императорского Эрмитажа, что могло вызывать некие обиды у Г.Е. Кизерицкого. Из находок, поступающих в музей, совершенно исключались предметы каменного века. Кизерицкий прямо указывал, что «доисторические предметы не должны поступать в коллекцию Эрмитажа»³³.

Говоря в целом о научной деятельности Г.Е. Кизерицкого, надо заметить, что он, являясь с 1891 г. членом Русского Археологического общества, заметного участия в делах и жизни общества не принимал. Во всяком случае, в истории общества, изданной в 1900 г. Н.И. Веселовским его фамилия упоминается только один раз в связи с избранием в члены комиссии по приведению в порядок музея общества³⁴. В написанном С.А. Жебелевым продолжении истории общества, где приводится перечень всех докладов и сообщений, сделанных в заседаниях отделения классической археологии, фамилия Кизерицкого вообще не фигурирует. В изданиях общества была опубликована только одна работа Кизерицкого, посвященная описанию хотанских древностей, поступивших в музей из собрания Н.Ф. Петровского³⁵. Значительная часть трудов Г.Е. Кизерицкого была напечатана на немецком или итальянском языках и они, в основном, представляли из себя очень небольшие по объему публикации. В последние годы своей жизни Гангольф Егорович предпочитал выступать с мелкими заметками на страницах журнала «Художественные сокровища России», издаваемого Обществом поощрения художеств³⁶.

---

³² Там же. Д. 32. 1892 г. Л. 2-3.

³³ Там же. Д. 17. 1897 г. Л. 30.

³⁴ *Веселовский Н.И.* История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846-1896. СПб., 1900. С. 357.

³⁵ *Кизерицкий Г.Е.* Хотанские древности из собрания Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. Т. IX. Вып. 1-4, СПб., 1895. С. 167-190.

³⁶ *Кизерицкий Г.Е.* 1) Античные маски из собрания М.П.Боткина // Художественные сокровища России. 1901. Т.1. № 2. С. 11-18; 2) Аттические золотые драгоценности IV в. до н.э. // Художественные сокровища России. 1901. Т.1. № 4. С. 51-52; 3) Греческие золотые украшения V и IV вв. до н.э. [из некрополей Боспора] // Художественные сокровища России. 1901. Т.1. № 3. С. 33-35; 4) Афродита Морская [из собр. Эрми-

В своем «Введении в археологию» С.А. Жебелев высказывал упрек хранителям Отделения древностей Эрмитажа за недостаточную работу по части публикации богатейших собраний музея³⁷. Этот упрек должен был относиться, вероятно, прежде всего, к Г.Е. Кизерицкому, поскольку его преемники Е.М. Придик и О.Ф. Вальдгауер были значительно более активны по этой части. Хотя справедливости ради нужно заметить, что и с последним у Жебелева были натянутые отношения.

В 1900 г. Кизерицкий обратился с предложением к председателю Императорской Археологической комиссии А.А. Бобринскому о необходимости издания материалов по археологии России на немецком языке, чтобы они были доступны для европейских ученых. И это притом, что к этому времени комиссией уже было выпущено 23 выпуска «Материалов по археологии России» на русском языке. Скорее всего, это предложение было вызвано тем, что вышедший в 1899 г. 23-й выпуск содержал труд В.В. Латышева, посвященный новым эпиграфическим находкам в Северном Причерноморье, а готовящийся 24-й выпуск «Материалов по археологии России» состоял из работы С.А. Жебелева «Пантикапейские Ниобиды», анализирующей терракотовые статуэтки из эрмитажного собрания. Хранитель отделения древностей опять посчитал себя незаслуженно обойденным и проигрывающим усиливающуюся научную конкуренцию. Ранее он уже предлагал издавать каталог Никопольской залы не только на русском, но и на немецком языке «потому, что в Германии центр археологических занятий»³⁸. Хотя, в отличие от Л.Э. Стефани, вообще слабо знавшего русский язык, Кизерицкий владел им свободно, он явно предпочитал и в научном творчестве, и в бытовом общении свой родной с детства немецкий язык. Как тут не вспомнить расхожую шутку начала XX в. о том, что на первом этаже Императорского Эрмитажа, т.е. в Отделении древностей, говорили исключительно по-немецки, а на втором, в картинной галерее – по-французски.

Довольно нелюбимую характеристику Кизерицкого привел в своих воспоминаниях В.Г. Дружинин, почему-то назвавший его поляком: «Постоянным посетителем Минцкабинета, пивший там чай и завтракавший с Иверсенем и Марковым был Г.Е. Кизерицкий. Он заведывал отделением классических древностей Эрмитажа, составил и напечатал каталог антич-

---

тажа] // *Художественные сокровища России*. 1901. Т.1. № 3. С. 35; 5). Дионисий Эрмитажный // *Художественные сокровища России*. 1901. Т.1. № 5. С. 65-67; 6) Эллинистические бронзы: Артемида, Геракл и Кероп [из собр. Эрмитажа] // *Художественные сокровища России*. 1901. Т.1. № 4. С. 49-50.

³⁷ Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1923. С. 141.

³⁸ Архив ГЭ Ф.1. Оп. 5. Д. 42 1890 г. Л. 11

ных скульптур. Это был хитрый поляк, подлизывавшийся к директорам Эрмитажа, но, в общем, мало работавший»³⁹.

В другом эпизоде своих мемуаров В.Г. Дружинин, постоянно бывавший в Эрмитаже по делам Археологической комиссии, описал атмосферу, царящую среди хранителей древностей музея: «Куник сидел в Минцкабинете Эрмитажа внизу; у него был стол и рядом шкаф. Наверху этого кабинета на антресолях помещались другие хранители этого Кабинета – Ю.Б. Иверсен, специалист по русским медалям и средневековым европейским монетам. Он был личным врагом Куника. Куник обвинял Иверсена, что он ничего не делал для кабинета и был, кажется, прав – он целый день то завтракал, то пил чай с остальными хранителями – А.К. Марковым и Г.Е. Кизерицким. Марков был специалист по восточным монетам, а Кизерицкий заведующим отделом скифских древностей. А Иверсен не оставался в долгу и говорил, что у Куника в шкафу хранится водка и он постоянно напивается. Но это не было похоже на Куника»⁴⁰.

Петербургские антиковеды «кондаковской школы», связанные с Университетом (М.И. Ростовцев, и особенно С.А. Жебелев и Г.Ф. Церетели) с разной степенью недоброжелательности могли относиться к коллегам, работавшим в Императорском Эрмитаже. Церетели даже написал сатирическое стихотворение по этому поводу:

Есть зданье пышное на стогнах Петрограда.
То – Эрмитаж, немецких душ приют,
Где балты «верные», Германии отрада,
Плоды ее теплиц, и зреют, и гниют.

В том зданьи сказочном, где блеск царит волшебный,
Где всюду золото, и яшма, и порфир,
Они лишь царствуют, Вильгельму гимн хвалебный
Срывая с струн своих немецких лир.

Была пора: под сенью самодержавной власти
Росли они, на Запад обратясь,
И к злату русскому не сдерживали страсти,
На имя русское с презрением косясь...⁴¹

---

³⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 194.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 192.

⁴¹ *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002. С. 245.

Весьма показательным являлся и тот факт, что на место хранителя отделения древностей и классической археологии, освободившееся после добровольной отставки профессионального востоковеда – В.С. Голенищева, был принят барон П.Ф. Мейендорф – чиновник министерства двора, инженер по образованию, занявшийся в музее в 1900-1913 гг. исключительно составлением инвентарей и другой канцелярской работой. Под стать ему были и другие помощники Г.Е. Кизерицкого – сотрудники Отделения древностей: граф Р.Н. Стенбок, занимавшийся в 1901-1909 гг. также исключительно заполнением инвентаризационных бланков и сменивший его до 1915 г. Ф.Э. фон Валь, инвентаризирующий собрание терракот и стекла. Ни одной научной работы ни один из них не оставил, да и не занимались они наукой! Явно, именно их, имел в виду в своей речи депутат III-ей Государственной думы социал-демократ П.И. Сурков, когда говорил о представителях титулованной аристократии, занимающей синекуры в Эрмитаже⁴². Вероятно, эти люди были более подходящими коллегами для руководителя отделения древностей, с ними можно было говорить на родном языке и превозносить германскую науку. В целом, во всей своей научной деятельности Г.Е. Кизерицкий был более связан с немецкими коллегами и скорее ориентировался на германоязычную европейскую науку, чем на российскую.

Тем не менее, за ним следует признать немалые заслуги по части получения новых археологических материалов для музея, организации их экспонирования, учета и хранения, каталогизации. Он рьяно боролся за интересы Эрмитажа, не боясь вступать в спор с самыми высокими инстанциями. Так, например, когда в 1903 г. император Николай II пообещал герцогу Гессенскому изготовить слепки с наиболее ценных предметов древности, хранящихся в музее, Кизерицкий выступил резко против подобной инициативы, резонно считая, что это нанесет большой урон сохранности вещей, поскольку «для изготовления форм с вещей употребляется жидкий гипс; этот проникает во все щели, забирается под все выступы при узорах золотых вещей, а застынувши он расширяется и этим и распирает щели, снимает долой припайные узоры, сверх того нежные и ажурные вещи какими являются большинство наших золотых предметов, непременно разломаются при снятии форм с них. С другой стороны на серебряных, бронзовых и железных древностях гипс действует не только как это выше изложено, но кроме того... губительно своею сыростью. Наш бесподобный музей и единственный в мире по своему богатству произведениями греческого промышленного искусства превратился бы в коллекцию испорченных древностей»⁴³.

⁴² *Варшавский С.П., Рест Ю.И.* Рядом с Зимним (Эрмитаж перед Октябрем). Л., 1969. С. 66-67.

⁴³ Архив ГЭ Ф.1. Оп.5. Д.42. 1890 г. Л. 10.

В то же время Г.Е. Кизерицкий принадлежал к числу крайне консервативных музейных хранителей, не способных воспринять новые веяния в музейном деле, появившиеся к началу XX столетия. Так, продолжая отставать сложившийся еще в XVIII в. принцип посещения музея – «вход как привилегия»⁴⁴, он считал большую часть все возрастающих посетителей за варваров, от которых надо всячески оберегать бесценные сокровища. Крайне скептически относился к экскурсиям и к самой идее популяризации науки и искусства. Не доверяя никому, все стремился делать сам – задергивать шторы на витринах, составлять карточки для каталога библиотеки, запирает шкафы с вещами. Мог вернуться с улицы в свой рабочий кабинет только для того, что бы убедиться, заперт ли на замок его стол⁴⁵. После внезапной смерти Кизерицкого в канун 1904 г. пришлось взламывать витрины и шкафы отделения, поскольку помощники Кизерицкого барон П.Ф. Мейендорф и граф Р.Н. Стенбок даже не знали, где начальник хранил ключи и совершенно не ориентировались в материалах отделения. Впоследствии О.Ф. Вальдгауер разбираясь с материалами Отделения древностей, обнаружил в библиотечных шкафах спрятанные за громадными фолиантами книги уникальные вещи, считавшиеся пропавшими без вести или вовсе неизвестные. Среди них были «Пелика с ласточкой», лекиф с изображением Артемиды, кормящей лебедя, краснофигурные вазочки с жанровыми сценками, бронза с надписью Поликрата и другие ценнейшие произведения⁴⁶.

В этом контексте становятся более понятны и следующие строки из письма А.А. Бобринского Д.Я. Самоквасову от 9 июля 1906 г., когда на вопрос ученого о том, где находятся найденные им в 1883 г. предметы византийского искусства из курганов Александровского уезда Екатеринославской губернии, председатель Археологической комиссии вынужден был ответить: «Вероятно, в Эрмитаже, но где именно? При этом позвольте заметить, что я не назначен директором Эрмитажа, но только председателем Археологической комиссии, посему бессилен по отношению к золотым предметам, остающихся в кладовых Эрмитажа. Могу только обещать одно, что на будущее время, при распределении добытых раскопками или случайно найденных вещей между музеями России – буду осторожен, постараюсь не разъединять находок одной и той же местности и (между нами) направлять

---

⁴⁴ *Hudson K. A Social History of Museums: What the visitors thought. London, 1975. P.12.*

⁴⁵ *Половцов А.В. Ук. соч. С. 33 -35.*

⁴⁶ *Передольская А.А. Оскар Фердинандович Вальдгауер // Вальдгауер О.Ф. Этюды по истории античного портрета. [часть 2-я] Л., 1938. С. 5; Мавлеев Е.В. Вальдгауер (Страницы истории Эрмитажа). СПб., 2005. С. 13.*

не в Эрмитаж все то, что рискует попасть в кладовые... За последние годы моя Комиссия de facto обратилась как бы в поставщика Эрмитажа. По положению же своему ей эта роль не предписана. По закону, государь указывает предметы, которые должны поступить в Эрмитаж. Остальные распределяются между музеями России. Как видите, простор большой и с будущего года думаю уже вступить в этом отношении на несколько иную дорогу»⁴⁷. Правда, следует отметить, что в другом случае А.А. Бобринской не соглашается с излишне резкими и категоричными оценками Самоквасова, типа «бесполезно для историка большинство археологических материалов, хранящихся в Императорском Эрмитаже», и считает не заслуженными упреки графини П.С. Уваровой в адрес императорского музея по поводу хранения кавказских коллекций К.И. Ольшевского, поскольку сам являлся свидетелем того, что коллекция была перепутана и депаспортизована еще во Владикавказе⁴⁸.

Сами эрмитажные хранители впоследствии оценивали конец XIX в. как эпоху «мумификации» музея. Только Е.М. Придик, и особенно, О.Ф. Вальдгауер, пришедшие в Отделение древностей в 1904 г., сумели поднять и экспозиционную, и хранительскую, и научную, и публикационную работу на качественно новый уровень⁴⁹. Тем не менее, Г.Е. Кизерицкий тоже немало потрудился на пользу Эрмитажа и отечественной археологии, и его имя не должно быть забыто в их истории. К сожалению, что-то символическое оказалось в том, что время не сохранило для нас изображения этого скромного труженика.

Список использованной литературы

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я.Самоквасова (1843-1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С.П.Щавелева. Курск, 2007.

Бильвина О.Л. Частное коллекционирование произведений античного искусства в России (вторая половина XIX – первые два десятилетия XX в.). Дисс.... канд. искусствоведения. СПб., 2007.

Варшавский С.П., Рест Ю.И. Рядом с Зимним (Эрмитаж перед Октябрем). Л., 1969.

Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846-1896. СПб., 1900.

---

⁴⁷ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я.Самоквасова (1843-1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С.П.Щавелева. Курск, 2007. С. 89.

⁴⁸ Археология, история и архивное дело России... С. 91.

⁴⁹ *Мавлеев Е.В.* Отдел античного мира. Научная и экспозиционная деятельность // Эрмитаж. История и современность. М., 1990. С. 166-168.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1923.

Завитухина М.П. Золотая статуэтка из Сибирской коллекции Петра I и некоторые вопросы истории коллекции // СГЭ. Вып. XXXVIII. Л. 1974. С. 41-44.

Завитухина М.П. Золотая пластина из Забайкалья в Сибирской коллекции Петра I // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб., 1998. С. 143-148.

Иванов Д.Д. Объяснительный путеводитель по художественным собраниям Петербурга (Эрмитаж, Академия Художеств, Музей Императора Александра III и другие художественные музеи). СПб., 1904.

Кизерицкий Г.Е. Античные маски из собрания М.П.Боткина // Художественные сокровища России. 1901. Т.1. № 2. С. 11-18.

Кизерицкий Г.Е. Аттичские золотые драгоценности IV в. до н.э. // Художественные сокровища России. 1901а. Т.1. № 4. С. 51-52.

Кизерицкий Г.Е. Греческие золотые украшения V и IV вв. до н.э. [из некрополей Боспора] // Художественные сокровища России. 1901б. Т.1. № 3. С. 33-35.

Кизерицкий Г.Е. Афродита Морская [из собр. Эрмитажа] // Художественные сокровища России. 1901в. Т.1. № 3. С. 35.

Кизерицкий Г.Е. Дионисий Эрмитажный // Художественные сокровища России. 1901г. Т.1. № 5. С. 65-67.

Кизерицкий Г.Е. Эллинистические бронзы: Артемида, Геракл и Кероп [из собр. Эрмитажа] // Художественные сокровища России. 1901д. Т.1. № 4. С. 49-50.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб., 2011.

Мавлеев Е.В. Отдел античного мира. Научная и экспозиционная деятельность // Эрмитаж. История и современность. М., 1990. С. 183-198.

Мавлеев Е.В. Вальдгауер (Страницы истории Эрмитажа). СПб., 2005.

Макаренко Н.Е. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель. Пг., 1916.

Музей древней скульптуры. [Кат.] / Сост. Г.Е.Кизерицкий. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.

Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время царствования в Бозе почившего Государя императора Александра III. 1881-1894. Ч.1. Кн.2. СПб., 1901.

Передольская А.А. Оскар Фердинандович Вальдгауер // Вальдгауер О.Ф. Этюды по истории античного портрета. [Часть 2-я] Л., 1938. С. 3-42

Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000.

Половцов А.В. Крупная утрата. Гангольф Егорович Кизерицкий 1847-1903. М., 1904.

Придик Е.М. Памяти Г.Е. Кизерицкого // Записки Классического отделения РАО. 1907. Т.4. С. 265-266.

Путеводитель по России. Север / под ред. Р.С. Попова. СПб., 1886

Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852-1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2004.

Тихонов И.Л. Императорская Археологическая комиссия (1859-1918 гг.) К 150-летию создания // Из истории отечественной археологии: сборник научных трудов. Вып. 1 / отв. ред. А.Д. Прякин. Воронеж, 2008. С. 13-65.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIXвв.). СПб., 2002.

Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

Hudson K. A Social History of Museums: What the visitors thought. London, 1975.

